

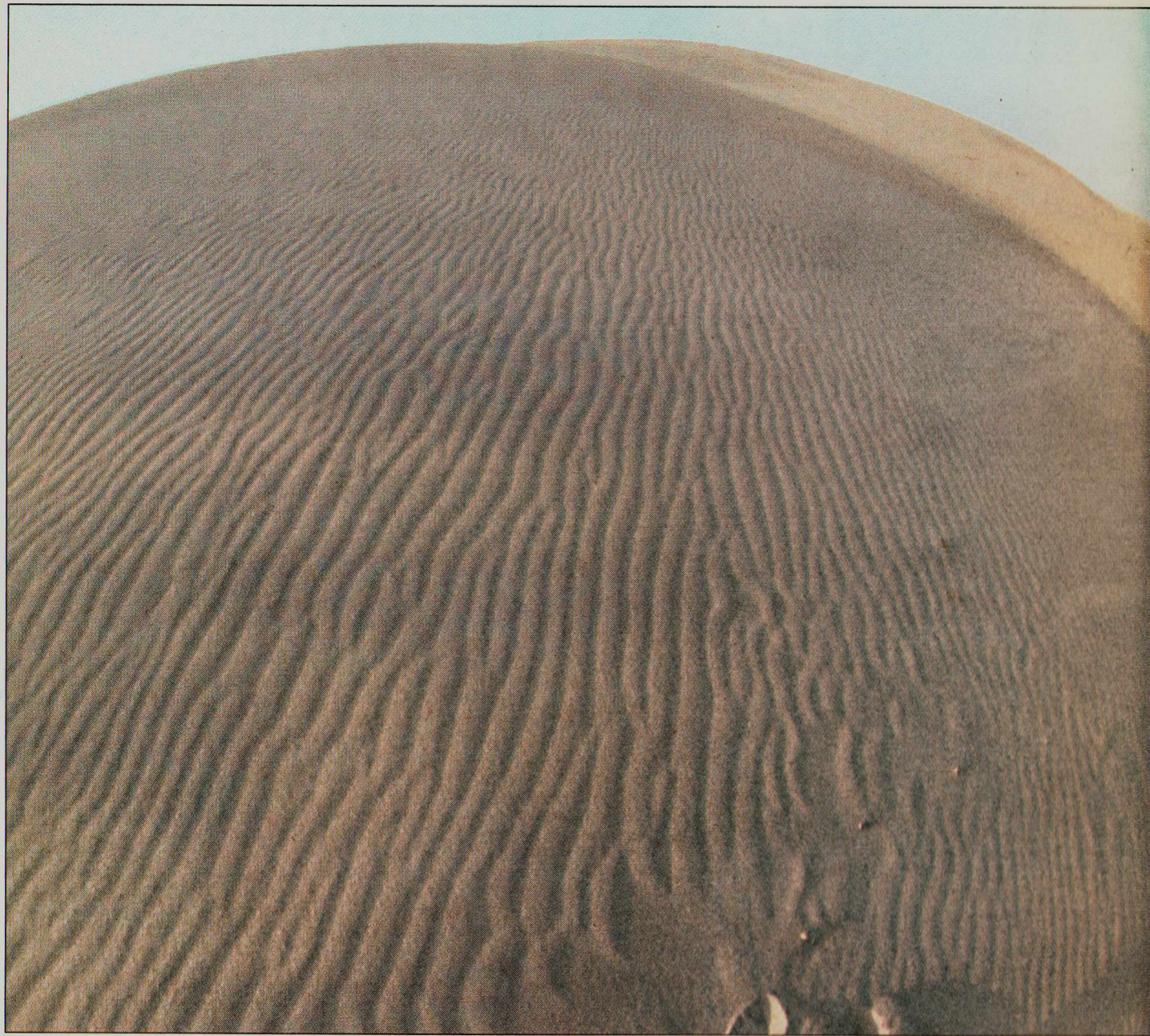
Рост Юрий

30.05.2002 ?

СВОБОДНОЕ ПРОСТРАНСТВО

30 мая – 5 июня 2002 года ОБЩАЯ ГАЗЕТА № 22 (460)

8

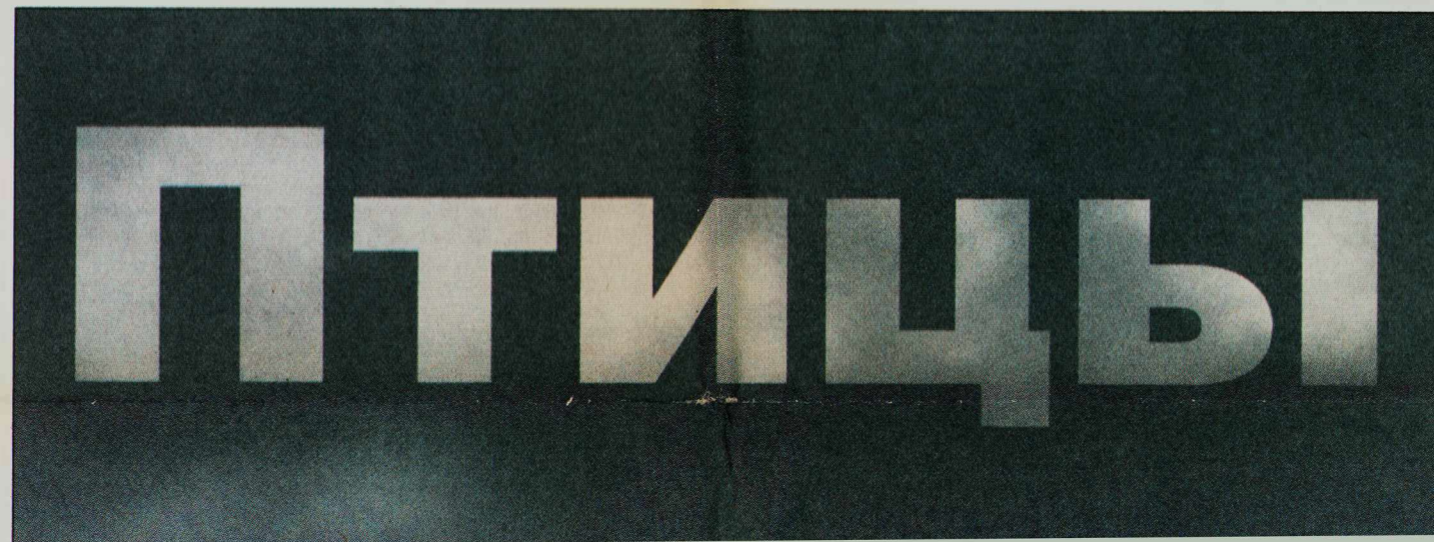
Юрий РОСТ

Есть и другая жизнь, но пусть в ней участвуют другие, а я сижу в зале бывшего Дома народного творчества (теперь просто «Дома» в Большом Овчинниковском переулке), в пространстве, так не похожем на современные московские «тусодромы», окруженный юными красавицами и красавцами, и прелестными дамами средних лет с кавалерами, тоже с осмысленными лицами, и в разделенном с ними восторге от сопричастности к действию смотрю на сцену. Там Андрей Битов в компании с выдающимися джазовыми музыкантами, собранными перкуссионистом (вот так!), то есть ударником мирового класса Владимиром Тарасовым, публично прожинают черновики Александра Сергеевича.

Бли-ста-тель-но!

Зачеркнутые и оставленные гением, но все готовые для жизни слова ждали появления Битова и Пушкин-джази более полутора веков, чтобы наконец поразить и обаять не ученых-исследователей, но чрезвычайно разную, но обладающую вкусом и культурой восприятия молодую и зрелую московскую публику.

Открытие жанра принадлежит Андрею Георгиевичу. Он его понимает, он владеет паузой. Господи! как это немало, когда всем остальным текстом владеет Пушкин.

154

ударником мирового класса Владимиром Тарасовым, публично прожигаят черновики Александра Сергеевича.

Бли-ста-тель-но!

Зачеркнутые и оставленные гением, но все готовые для жизни слова ждали появления Битова и Пушкин-джази более полутора веков, чтобы наконец поразить и обаять не ученых-исследователей, но чрезвычайно разную, но обладающую вкусом и культурой восприятия молодую и зрелую московскую публику.

Открытие жанра принадлежит Андрею Георгиевичу. Он его понимает, он владеет паузой. Господи! как это немало, когда всем остальным текстом владеет Пушкин.

И Тарасов, лет двадцать пять назад, захлебываясь от счастья, хва-ставшийся мне во время одного из первых джазовых фестивалей в Тбилиси, что купил полное собрание Пушкина тридцать седьмого года, тоже понимает. И другие музыканты, и мы...

При чем тут птицы? Да, в общем, ни при чем. Разве что взять черновики самого Битова, поехать на Куршскую косу и увидеть глазами то, что он увидел словами.

Потом из своего Вильнюса на литовскую часть дюн придет Тарасов послушать ритмы моря, сып песка, рваный крик чаек, и тоже можно будет объясниться с читающей и слышащей частью заинтересовавшихся лиц.

Разрешите эскиз на тексты Битова, которому на днях исполнилось 65. С чем мы его и поздравляем! Итак, эскиз. Пока без звука.

изнесением про себя, закрыв глаза, слов: залив, лес, птицы...»

«Здесь пространство будто бы меньше на одно измерение. За счет этого два других раскрываются полностью. Здесь теснее на одно, зато просторнее на два...»

«Они летят над обнажившимся меридианом, на время отключив все те локаторы, с помощью которых с такой точностью прокладывают свой безукоризненный маршрут через леса и горы: весной на север, осенью на юг. Птицы отдыхают над Косою, включив автопилот: здесь все ясно, лети себе над».

«В каждом скептике, за маской неверия, задыхается романтик. «Белеет парус одинокий...» Романтизм связан с идеей существования в однородной среде, недоступной нам по природе. Поэты с завистью провожают взором моряков и авиаторов, осуществивших мечту. Так наконец осуществляется идея в чистом, неразочаровывающем виде – «как будто в бурях есть покой». Но – не до конца, не до конца... Они проникают, но не принадлежат. Лишь в аппарате, и только скопом, и не навсегда: разврат возврата – душа разочаруется подделкой. «Ничего больше! Только – лодку и весло! Лодку и весло...»

«Лишь сфера духа является для человека доступной однородной средой. Высшая мысль доступна каждому, ее можно подумать разным людям в различных точках Земли и времени, то есть к ней ведут любые пути, но она сама, достигнутая, будет одна и одинакова. Лишь на самом верху мы будем иметь окончательно общую природу, отменяющую одиночество, ту общую природу, с которой мы рождены... Если кто-то дошел до Истины и еще кто-нибудь дойдет до нее, то это будет та же Истина, пути пересекутся. Окончательно равны мы лишь в самом низу (прах) и на самом верху; остальное – пути. Притомившись, странники смотрят в море и в небо – горизонт отступает, и небо все так же высоко».

«Мир был выкрашен в два чистых цвета: желтый и голубой – мечта сюрреалиста. Поверхность дюны была аккуратнейшим образом гофрированной, как песчаное дно в полосе прилива. – еще одно указание на то, что мы живем на дне в прямом смысле: эту рябь навевал ветер».

«Ветер сдувал с гребня песок, покалывая кожу; по склону перекачивались прозрачные трупки жучков и паучков, высушенные и выбеленные песком и солнцем. Редкая былинка торчала, склоняясь из этого сплошного желтого – вокруг нее был обведен магический кружок, – казалось, солнечные часики произрастали здесь и там, что как-то таинственно рифмовалось с песком, может, из ассоциации с часами песочными».

«Этому месту как-то существенно присуща смерть, хотя со всех точек зрения тут сущий рай».

«Небо выпивало цвет моря, в нем остановились легкие перистые барашки, а обесцвеченная тишайшего, лайкового штиля вода теряла свою поверхность, походя на небесное марево».

«Здесь все было заповедано, в этом заповеднике – география в том числе: море, залив, дюны, берега, лес, травы, и небо, и птицы не только имелись здесь в самом близком соседстве, но и соответствовали тем самым сокровенным представлениям, связанным с про-

